

Глава 7

*Холостяк – птица вольная! Парижские каникулы у Юсуповых.
Похищение генерала Кутепова. Попытки к объединению.
Матч Париж – Лондон. Первый Русский лаун-теннис клуб
в Париже. Чемпионаты зарубежной России.
Культурная жизнь Ниццы. Свято-Николаевский собор.
Не теннисом единым...*

Первые годы в эмиграции Сумароков жил по друзьям, по состоятельным знакомым. Он был холост, свободен как птица и не обременен никакими семейными заботами. «П.А. Демидов¹ всегда чудно принимал, – вспоминала Матильда Кшесинская в один из визитов к нему. – У него жил его дальний родственник, Миша Сумароков, бывший в России чемпионом тенниса»².

Чтобы как-то заработать на жизнь Михаил стал подкидывать на корте в клубе толстосумам. Правда, на таких заработках особо не разживешься, но на хлеб хватало.

Весной 1924 года 30-летний Сумароков съездил на пару недель в Париж, повидать Юсуповых. В отличие от многих других русских эмигрантов, Феликс не сидел сложа руки и время зря не терял. Он уже открыл на улице Дюто вместе с женой Ириной Александровной – внучкой Александра III собственный Дом моды с филиалами в Лондоне и Берлине. Назвали Дом «ИРФЕ», по начальным слогам их имен. Юсуповы не только открыли Дом моды, но уже успели завоевать авторитет и обзавестись клиентурой в стране – признанной законодательницы мировой моды. Капризные и придирчивые французы высоко оценили изысканный вкус и оригинальные линии новых моделей Юсуповых. Пресса не скупилась на комплименты в адрес их новых коллекций, не жалела красок при описании покроя, кружев и тканей, используемых в нарядах Дома «ИРФЕ». На этом Юсуповы, однако, не успокоились и решились... на выпуск собственных духов с разными ароматами. И это во Франции – Мекке мировой парфюмерии! Какая дерзость! На Юсуповых работали только русские эмигранты. Среди них было немало талантливых художников – в частности, Маревна (Мария Воробьева-Стебельская), чьи расписные русские шали и пояса-кушаки вызывали восторг и охотно раскупались избалованными парижанами. А богатые американки, падкие на титулы и сенсации, платили сумасшедшие деньги за юсуповские фасоны и модели. Платили не столько потому, что

¹ Демидов Павел Александрович – до революции известный уральский заводчик.

² Матильда Кшесинская. Воспоминания. М., 2001. С. 327.

они были уж так хороши, сколько за возможность познакомиться с самим Феликсом Юсуповым, о котором они столько слышали и читали – с человеком, убившим самого Распутина!

А в Ницце жизнь продолжалась своим чередом, хотя время было беспокойное – покушение на главного редактора парижских «Последних новостей» Павла Милюкова, убийство в Китае агентами ЧК атамана Александра Дутова, Генуэзская конференция, где речь шла о возвращении Россией довоенных долгов, и т.д.

О спорте русские газеты тогда не писали. Сообщили лишь о гастролях в Париже Алехина и Капабланки. Какой уж там спорт, если вопрос стоял о жизни и смерти русской эмиграции. А то, что этот вопрос стоял именно так, русская эмиграция вскоре убедилась. Во вторник,

28 января 1930 года, местные газеты в Ницце, в том числе и русские из Парижа, раскупались нарасхват. На первых полосах газет сообщалось о загадочном исчезновении в Париже знаменитого генерала Белого движения, руководителя Русского общевойскового союза Александра Кутепова. Утром, в воскресенье, генерал вышел из своего дома на улице Русселе и направился в Союз галлиполийцев. Больше его не видели.

Газеты возмущались бесчинствами ЧК в самом сердце Франции, в ее столице, призывали премьер-министра выставить СССР ультиматум или вообще разорвать с ним всякие отношения.

Русская эмиграция негодовала. Белогвардейские офицеры были готовы разгромить советское полпредство в Париже, но их сдерживали.

В конце января, в небольшой кафешке, что в старом городе, недалеко от площади Россети, Сумароков встретился со своими давними знакомыми-теннисистами Владимиром и Кириллом Киселевскими. Братья Киселевские тоже жили тогда на французской Ривьере и оказались в Ницце проездом.

– Что же такое происходит, господа? – начал с места в карьер Сумароков. – Чекисты обнаглели до того, что берут наших людей среди белого дня прямо на улице, а французское правительство делает вид, что ничего особенного не случилось и не предпринимает никаких ответных мер.

– Пока не предпринимает, – заметил Владимир. – Поскольку точно еще не установлено, чьих рук это дело.

– И долго оно будет это устанавливать? – съязвил Кирилл. – Ведь чекисты уже разбегаются, как крысы с тонущего корабля. Вы слыша-

Феликс и Ирина Юсуповы – законодатели парижской моды. Начало 1920-х годов

По окончании
Чемпионата
Зарубежной России
(1930).
Слева направо:
Вадим Изнар,
князь Магалов
и Михаил Сумароков

ли: в тот день, когда похитили Кутепова, в Москву спешно отбыл первый советник полпредства Аренс?

– Тот самый, который давно путается с французскими коммунистами? – уточнил Сумароков.

– Да. А за ним последовал и второй сек-

ретарь полпредства – некий Гельфанд, который тоже замечен в разных неблагоприятных деяниях. И все это в пожарном порядке, без всяких объяснений – продолжал Кирилл.

– Но может быть, Кутепов еще жив? – неуверенно спросил Владимир.

– Может быть, – ответил Сумароков. – Однако для того чтобы помочь ему, французам необходимо действовать, а не сидеть сложа руки. Для начала нужно хотя бы усилить охрану границ, срочно провести досмотр всех совдеповских торговых судов, покидающих Францию. Есть, по-видимому, и еще ряд мер, которые необходимо срочно предпринять, чтобы положить конец этим безобразиям.

– В этом ты прав, – поддержал Сумарокова Кирилл. – Нужно что-то делать, под лежащий камень вода не течет.

Такие посиделки с такими разговорами происходили тогда по всей Франции. Русские эмигранты убедились в том, что они не защищены и то, что произошло с прославленным генералом Кутеповым, могло произойти с любым из них. Так оно впоследствии и оказалось.

На Лазурном берегу русские газеты не выходили, приходилось покупать и читать парижские. Правда, в марте 1930 года в Ницце появился воскресный еженедельник «Вестник Ривьеры», но четыре с половиной месяца спустя он тихо почил в бозе из-за недостатка средств. И, тем не менее, Сумароков, хотя и отошел от активного тенниса и участия в соревнованиях, продолжал пристально следить через друзей и знакомых за теннисной жизнью русской эмиграции, за успехами своих бывших товарищей по оружию. А жизнь эта, несмотря на все превратности эмигрантского бытия, начинала набирать обороты.

В первые годы эмиграции постепенный распад русского лаун-тенниса всерьез почти не воспринимался. Подавляющее число эмигрантов не сомневалось в неминуемом крахе большевиков и скором возвращении на родину. Однако шли годы, а большевистским крахом и не пахло. Наоборот, Россия при большевиках крепла год от году. В этих условиях начался процесс денационализации и обезличивания русского тенниса за рубежом, в частности, во Франции. Особенно это отразилось на молодежи. Многие юные россияне разбрелись по мест-

ным клубам и быстро адаптировались к местным условиям. Они стали разглагольствовать о таких вещах, как спортивная «карьер», меценатская помощь, вознаграждения за выступления в соревнованиях, о которых их родители у себя на родине и слыхом не слыхивали. Вернуть их в лоно русского лаун-тенниса впоследствии так и не удалось.

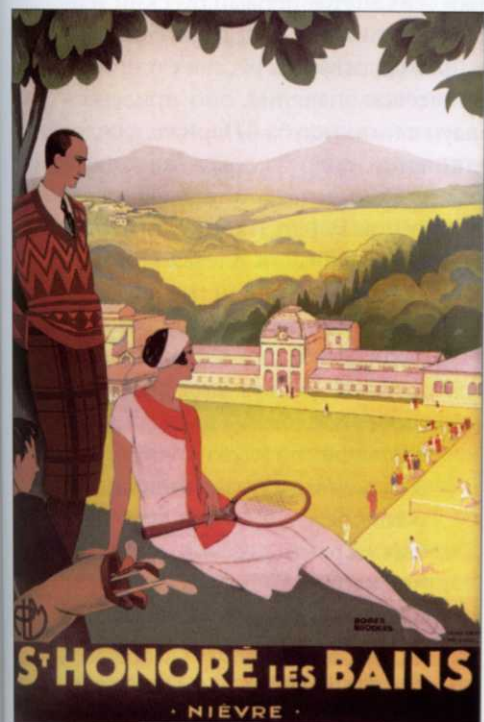
Итак, русский лаун-теннис стоял на пороге полного развала. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. В эмиграции оказались не только рядовые теннисисты и чемпионы, но и бывшие умелые организаторы многих русских лаун-теннис клубов и лиг, которые в свое время создали стройную систему российского лаун-тенниса. Они-то и принялись за дело, засучив рукава. На первых порах создавались лишь небольшие группки из русских теннисистов, не пожелавших играть за иностранные клубы. Процесс этот проходил стихийно, сразу в нескольких странах. Он и положил начало объединению русских теннисистов и созданию первых русских лаун-теннисных клубов за рубежом.

Уже к 1923 году небольшой группе русских теннисистов-парижан удалось арендовать площадку для игры в местечке Пасси, там, где жило немало известных русских эмигрантов – Бунин, Бальмонт, Алексей Толстой, Мережковский, Гипиус и другие. Предполагалось, что из этой-то площадки и вырастет впоследствии русский лаун-теннис клуб. Группа начала энергично действовать и вскоре обратила на себя

внимание «Российского спортивного общества» (РСО), объединявшего в то время русских футболистов и легкоатлетов. По предложению председателя общества Владимира Голицкого при РСО было создано ядро теннисной секции. С помощью Натальи Ледерлен, имевшей большие заслуги в деле развития русского спорта в Париже, были арендованы площадки на стадионе «Сен-Мор», где по воскресеньям и стали тренироваться теннисисты. К тому времени их уже насчитывалось в секции 15 человек.

В 1925 году секция, в которой было уже 25 членов, арендовала две площадки в предместье Лиля. В том же году теннисисты секции решили померяться силами в матче с французским клубом Tennis Club de Lilas. Дебют русских парижан прошел удачно: матч они выиграли. Тогда же был проведен и первый чемпионат секции. Его победителем стал Сергей Максимов.

Первые успехи в объединении подтолкнули русских теннисистов-парижан к дальнейшим

действиям. Они обратились к своим соотечественникам в Лондоне, которые также стали объединяться с предложением о проведении матча между русскими теннисистами Парижа и Лондона. Русские лондонцы охотно откликнулись на это предложение, и работа закипела. Так 1925 год стал поворотным в истории русского лаун-тенниса за рубежом.

Несмотря на многие организационные трудности, матч Париж – Лондон состоялся в сентябре 1925 года в Париже. Сумароков специально приехал на этот матч. Приехал не играть, а повидаться со старыми друзьями, воочию убедиться, не потускнело ли их теннисное мастерство. Его давний приятель Георгий Брей, к сожалению, на матч не прибыл ввиду занятости на работе. Зато пожаловал его брат Владимир, который и рассказал Михаилу о житье-бытье братьев в Лондоне, о проведении на площадках одного из старейших лондонских клубов в Херлингеме первого официального состязания среди русских эмигрантов. Это состязание вызвало небывалый интерес и превзошло все ожидания. Среди его участников было немало известных теннисистов: братья Брей и Гамбс, барон Александр Мейендорф, Роланд Франке и другие.

Парижский матч проводился в двух местах: на крытых кортах Palais de Tennis и на арендованных площадках в Булони. Лучшая сыгранность и более продуктивная подготовка к матчу принесли убедительную победу русским лондонцам – 25:6. Этот первый русский теннисный фестиваль завершился банкетом под председательством чемпиона России 1908 года князя Льва Урусова. Для русских теннисистов это состязание имело историческое значение: оно привело к быстрому учреждению русского лаун-теннис клуба в Париже, к сплочению и укреплению русского теннисного содружества в Лондоне.

Клуб в Париже был создан зимою 1926 года по инициативе таких энтузиастов лаун-тенниса, как Владимиров, Изнар, Нарышкин, Денис Давыдов. Им удалось убедить бывшего члена ВСЛТК Александра Стаховича взять на себя председательство в инициативной группе.

Усилия группы увенчались успехом. Весной 1926 года в местечке Корбеуа под Парижем были арендованы две площадки в помещении клуба «Мамеби» на воскресные и праздничные дни, и вскоре клуб был открыт. Это был первый русский лаун-теннис клуб не только в Париже, но и во всем русском зарубежье.

Благодаря усилиям отдельных лиц и вниманию со стороны зарубежной прессы, жизнь в клубе

На площадках
Русского
лаун-теннис клуба
в Париже (1930)

